

4,1/5 (77 голосов)

Творчество

Соотечественница

Дело было в прохладном месяце марте. Теплоход «Парижская коммуна» ошвартовался в шведском порту Мальмё накануне вечером. Тогда же замполит Георгий Набатов выступил перед экипажем с политинформацией.

Обрисовал порт Мальмё как мегаполис, культурный центр и курорт с чистейшим пляжем. Сообщил, что первое упоминание о городе датировано в церковных архивах аж 1270 годом. Добавил, что это шведская житница. А еще точка захода интересна тем, что в городе проживают представители 164 национальностей. Не преминул отметить, что фирменными блюдами горожан являются жареный гусь, яичный торт и копченый угорь. Матрос Самохвалов, как всегда, начал оригинальничать: мол, а как там, в Мальмё, дела обстоят с ночной жизнью и развлечениями. После этого политинформация как-то смазалась. Набатов закруглил тему. Не мог же он сказать, что вопрос идиотский. Всем хорошо известно, что правилами поведения советского моряка ночные хождения в инпорту не предусмотрены.

С утра на сухогрузе началась привычная рутинная работа – плановая погрузка соевого шрота с пунктом назначения груза – Клайпеда. После разгрузки в литовском порту предстоял короткий, но муторный переход по беспокойной в это время года Балтике – домой. Скучная в своей обыденности жизнь экипажа шла своим чередом. К судовому однообразию люди давно привыкли – не один год ходили на этом корабле и по личной инициативе списывались с борта на берег только по о-о-очень веским причинам. За место на пароходах Западного речного пароходства счастливики держались, как говорят, зубами. Все-таки не зря эти теплоходы типа «река-море» называли кораблями с «золотыми киллями» – зарплаты вполне приличные, «плечо» переходов из порта в порт короткое. В море болтались недолго, да и частые стоянки в иностранных портах давали экипажу приятный отдых для души и тела.

Первому помощнику капитана Георгию Набатову полгода назад исполнилось всего 30 лет. Он был «белой вороной» среди других замполитов – «черных» полковников – отставных кагэбистов. За плечами у него была только школа комсомольского функционера. И он прошел ее сполна, следуя по карьерной лестнице к должности флотского комиссара. Удивительно, как он преодолел всю эту сложную, полную коварных неожиданностей стезю. Главное, надо было знать меру. А с этим у Набатова не все обстояло благополучно. Он не мог долго терпеть рутину и всегда искал приключений.

Один агитрейс на пропагандистском катере Западного речного пароходства под названием «Москвич» чего стоил. Однажды секретарь комитета комсомола пароходства Георгий Набатов набрал команду из юмористов, сатириков, девчонок из диско-балета «Вояж» и вышел с миссионерскими целями в агитпоход вверх по реке Преголе просвещать прибрежных аборигенов. Дивы-танцовщицы подобрались шикарные, статные, в полупрозрачных нарядах. На первом же выступлении в селе перед отрядом мелиораторов, прокладывавших осушительные сети и получивших после обеда аванс, был полный аншлаг. Захмелевшие строители, обалдев от невиданной красоты диско-балерин, дикой ордой полезли на сцену. Пришлось всей труппе срочно ретироваться и бежать полуодетыми по камышам к теплоходу, в авральном порядке рубить причальные концы. Тогда его чуть было не сняли с должности секретаря комитета ВЛКСМ пароходства по «телеге», поступившей от заведующего парткабинетом Сафрончука. Деду было под семьдесят, и старая закалка не позволила ему пройти мимо таких безобразий. К счастью, все обошлось, в райкоме комсомола Набатова лишь пожурили по-отечески.

Ему многое прощалось. Если раньше в Западном речном пароходстве комсомольская жизнь напоминала болото, то при Набатове она забила ключом. За короткий срок новый молодежный лидер обеспечил хороший рост рядов в комсомольской и партийной организации. Дело дошло до того, что он вовлек в комсомол 25-пятилетних грузчиков со склада речного порта...

Сейчас Набатов сидел в своей каюте за столиком и мучительно собирал силы для неприятного, но обязательного дела. По долгу службы ему следовало приступить к составлению рейсового отчета о производственной и политико-воспитательной работе за 1 квартал года. Ежерейсовый отчет – дело святое. Один экземпляр такого труда в виде амбарной книги с пустыми графами заранее вручался перед рейсом каждому замполиту. Отчет по инструкции составлялся за двумя подписями – капитана и его первого помощника. Имелась пояснительная записка, которая наставляла, как готовить отчет. Помимо множества других пунктов еще требовалось сообщить о работе в рейсе по изучению таможенных правил и норм поведения советского моряка за границей, особо остановиться на контроле за количеством вещей, приобретенных там членами экипажа, о характерных встречах с иностранцами на судне... На основании наблюдений о капиталистической действительности замполит обязан был сделать свои выводы. Завершить отчет полагалось краткими характеристиками на моряков с отражением моральных качеств, характера, политической зрелости, знания дела, а для комсостава – отметить способность управлять людьми. Эх, тяжела доля комиссарская, кручинился Набатов. Кому нужна вся эта писанина. Что со мной будет к пятидесяти годам при такой работе – и представить страшно.

Этой ночью, накануне захода в шведский порт, ему приснился удивительный сон – цветной. Картинка была детальна и красочна: он стоял у залива с прозрачной голубоватой водой, местами облагороженной белыми водяными лилиями и красиво окаймленной вдоль берега зеленым частоколом тростника. И вдруг на водной глади показалась пара белых лебедей. Гусак затейливо ухаживал за лебедушкой. Какие только водные пируэты самец не выделял вокруг нее. Полная райская идиллия со всеми проявлениями любви и нежности. Людям бы поучиться у этих красивых птиц взаимоотношениям между полами. Но неожиданно ухажер взгромоздился на даму сердца, за пять секунд сделал свое дело и, как ни в чем не бывало, отчалил в другую сторону важным крейсером. Через три минуты его и след простыл. Так сказочно все началось и такой прозой закончилось. Набатов вроде как поначалу расстроился, вспомнив сновидение, а потом посмеялся над собой. Се ля ви, и тебе ли этого не знать.

Жизнь на теплоходе у причальной стенки текла по строгому судовому распорядку. Те, кто был свободен от вахты, ушли в увольнение на берег. У кэпа Полищука, тоже Георгия Ивановича, в это время должен был начаться «адмиральский час». После перенесенного инфаркта он каждый день совершал трехкилометровую прогулку по палубе, накручивая большие круги вокруг крышек трюмов. А затем командиру полагался обязательный сон. И тут к Набатову постучали в дверь,

вошел вахтенный матрос Ястребов:

– Георгий Иванович, вас к капитану просят зайти.

Капитан был явно взволнован.

– Слушай, Жора, тут какая-то фифа пожаловала, говорит, что по культурным связям с моряками. – Кэп явно нервничал, гостья ломала его твердый график с непременным послеобеденным сном. – Тезка, давай, получи бутылку «Арарата» и палку сервелата, – выделил из своих представительских запасов капитан, – и иди, занимайся по своему профилю, сам знаешь, я не люблю этих визитеров.

И в самом деле – все иностранцы для капитана, коренного одессита, значились «немчиками», которых он терпеть не мог. Набатов, не ожидавший такой щедрости от кэпа, послушно кивнул: «Лады, Иваныч, встретим, как положено». Уже на выходе капитан остановил его:

– Погодь, вот еще коробку конфет возьми, все-таки баба пришла.

В коридоре Набатов, конечно, чертыхнулся: «Наверное, какая-нибудь бабулька – божий одуванчик в буклях – приперлась из Армии спасения по наши заблудшие души. Любят в Швеции плодить подобные организации».

Когда замполит вышел к трапу, то увидел стоявший у борта теплохода серебристый «мерседес». Рядом, как на обложке журнала, красовалась его обладательница в мутоновой шубке. «Ни хрена себе бабулька, тут такая мамзель пожаловала, – отчего-то заволновался Набатов. – Рыжая синеглазая бестия, яркая представительница стаи ночных бабочек, – дал незнакомке первоначальную оценку Георгий. – Прикрываются, понимаешь, всякими спасительными миссиями для моряков».

– Здравствуйте! Я – первый помощник капитана Георгий Набатов. Вы к кому? С какой целью, мадам?

– К вам, конечно, уважаемый комиссар, хотела бы побывать на территории Родины. Я – ваша соотечественница, все мы на этой земле братья и сестры. Зовут меня Инесса, фамилия Бертельман. Я представляю гуманитарную миссию для моряков. Правда, я только начинающая сотрудница и хочу попробовать себя в этой роли.

Так, успел прокрутить ситуацию в мозгах, Набатов, наверняка из религиозной антисоветской организации, типа каких-нибудь иеговистов. Вот тебе, первый помощник, и настоящая практическая работа. Веди со всей мощью контрпропаганду. Того и гляди, устроит тебе эта птичка провокацию, грехов не оберешься. Подкинет на судно подрывную литературку, как пить дать, эта рыжая мартовская кошка.

– Мы так и будем вести диалог на мартовском ветру, товарищ Набатов?

– Пардон, госпожа Бертельман, просто вы так внезапно пожаловали к нам, честно говоря, мы не ожидали такого сюрприза. Пройдемте, пожалуйста, на борт.

Набатов провел посетительницу с нижней палубы на верх палубной надстройки корабля, к себе в каюту.

– Да, тесновато у вас тут, но, как известно, в тесноте да не в обиде.

– Позвольте вашу шубку, сами видите, каюта у меня не люкс, но законы гостеприимства – прежде всего. Присаживайтесь на диванчик. Так от чего вы спасаете моряков?

– От одиночества, от хандры, от депрессии. У нас в интерклубе хорошие условия, есть бассейн, бильярд, спортивные тренажеры. Могу прямо сейчас группу моряков туда отвезти.

– И это все бесплатно?

– Конечно, шведское правительство субсидирует нашу благородную деятельность.

– Да, сказочное предложение, жаль, что вечером мы покидаем порт. А так бы обязательно побывали у вас, в миссии.

Перед Набатовым сидела красивая женщина, кровь с молоком, и, вроде бы, ее слова были искренними, без задней мысли. Только большие глаза гостьи показались Набатову холодноватыми. С другой стороны, это вполне нормально для голубого цвета. И все-таки – полевые васильки тоже голубые, но есть в них какая-то теплота. Наверное, что-то у нее в жизни не так, чего-то ей не хватает.

– Ну, что же мы, как-то не по-русски, – тут же засуетился Набатов. – Одну минутку, я сейчас столик организую. Вы можете разуться, а то в сапогах не совсем удобно, вот вам тапочки, совсем новенькие.

– Что вы, что вы, Георгий, я же ненадолго. Если бы я знала, то с собой бы тоже кое-что прихватила. Но решила, что первый визит вежливости пройдет суховато. У вас же вся жизнь по инструкции.

– На будущее советую: когда идете к нам, ничего с собой брать не надо, у нас, как в Греции, есть все. Вот хороший коньяк «Арарат», вот сервелатик, вот конфеты на десертик.

– А где сейчас ваш капитан? Я бы хотела и с ним встретиться.

– Сожалею, но наш мастер – так на нашем флоте часто именуют капитана – полночи на мостике провел, просил извинить его, неважно себя чувствует. Трудный переход был, штормило. Он у нас ветеран флота, годы, сами понимаете, свое берут. Зато я полностью к вашим услугам. Ну, давайте, за знакомство!

Коньячок попался отменный. И Набатов, и Инесса уже через полчаса почувствовали себя старыми знакомыми.

– Вы не поверите, Инесса, мне кажется, что я вас знаю сто лет, хотя, если быть точней, то лет двадцать наверняка. Ведь нам еще до ста очень далеко.

– А вы довольно контактный человек. Понимаю, для замполита это абсолютно необходимое качество. Может, вас специально учили этому на курсах?

– Учили, конечно, но дело, мне кажется, в другом. Просто вы тоже коммуникабельный человек. Из вас получилась бы хорошая разведчица. Выходит, «рыбак рыбака видит издалека», хотя в нашем случае не рыбака, а рыбачку. Кстати, о себе вы мало пока что рассказали.

– А что тут рассказывать? Окончила филологический факультет университета, работала переводчицей. Встретила инженера из Швеции, он у нас в Воронеже занимался поставками сельхозтехники. Втюрился в меня швед без памяти и сделал предложение. Долго раздумывать не

стала, появилась возможность изменить жизнь – люди не бегут оттуда, где хорошо. Вот уже пятый год живу за границей, получила шведское гражданство. Сейчас с уверенностью могу сказать – «за морем» не всё так, как это мне представлялось до переезда. Видно, нет рая на земле. Порой я чувствую себя никем в этой чужой стране, готова завить волчицей от осознания своего одиночества, и так хочется чего-то родного. Муж постоянно в командировках, я остаюсь дома одна, знакомых мало. Здесь все живут слишком замкнуто. Вот через пролив, в Дании, люди более раскованные. Набатову стало искренне жаль эту молодую цветущую женщину. Вряд ли она пыталась изобразить ностальгирующую соотечественницу. Видно, в самом деле красотку припекло на чужбине. В то же время с ним начало твориться что-то несусветное – после третьей рюмки просто понесло, с каждой минутой все сильнее хотелось близости с этим прекрасным созданием. Он элементарно возбудился как нормальное животное со здоровым инстинктом. Хотя чему удивляться, все естественно и натурально, уже месяц как экипаж в рейсе.

– А давайте на брудершафт! Я думаю пора перейти на «ты», все же не чужие мы с вами здесь, вдали от Отечества, – вдруг предложила гостя.

«Ага, – сразу протрезвел Набатов, – вот оно, начинается, явная провокация». Но через минуту все его молодое естество выдало простое решение: «Да гори оно все синим пламенем. Когда еще представится такой случай. Она молодая, я молодой. Мы словно созданы друг для друга».

– Георгий, ты что-то задумался. И смотришь на меня как-то странно.

– Может, я и не профессиональный психолог, но мне кажется, Инесса, что наши мысли и желания совпадают...

Дикий инстинкт не мог обманывать Набатова. В глазах Инессы загорелись огоньки. Они как маячные сине-зеленые огни давали команду кораблю на вход в порт. Бутылка коньяка опустела больше чем наполовину. Вдруг он почувствовал, как ее ножка, словно белочка по ветке, заскользила по его ноге все выше и выше. И тут Набатов сорвался, его правая рука машинально оказалась у Инессы на бедре с бархатистой кожей. Он явно почувствовал эту бархатистость сквозь капрон чулок. В какое-то мгновение Набатов испугался – а вдруг сейчас кто-нибудь зайдет в каюту. Он стремительно встал и закрыл дверь на ключ.

– Инесса, ты просто чудо, сказка, наваждение...

Инесса смотрела на него шальными голубыми глазами, и только за этот взгляд можно было пойти на нарушения любых правил и норм. Настал момент, когда Набатовых в каюте оказалось двое. Один – шебутной, рискованной молодой мужик, другой – флотский комиссар с уздой условностей и догм. «Где же ты настоящий, Жора?» Набатов извлек Инессу из-за стола, поднял на руки и опустил в корабельную койку.

– Ах, какой ты сильный, Итенька, – закрыв глаза, чувственно прошептала вдруг Инесса.

В эмоциональной горячке Набатов даже не обратил внимания на незнакомое слово «Итенька». Мало ли что даме пригрезилось в такой обстановке. Теперь между ними не оставалось ничего, что бы их смущало или делало неловкими. Это был полет на другую планету, рано или поздно они должны будут с нее вернуться. Но это потом, а пока они вместе – в полете...

Инесса казалась ему прекрасным ангелом. Визитерша в чем мать родила сидела в корабельной люльке и вовсе не спешила ее покидать. Это был великолепный натюрморт.

– Ты меня раздевал, а теперь повтори все в обратном порядке, – сказала Инесса.

– Сама, сама, ты ведь не маленькая. Ты должна сойти на берег такой же, какой поднялась на борт.

– Георгий, так что между нами было? Любовь с первого взгляда? Физическое влечение? Сексуальная вспышка? Чувственная искра?

– Если рассуждать со служебной точки зрения, то, наверное, для меня это было короткое замыкание в мозгах. Но прекрасное и неповторимое. Нас притянуло друг к другу, как два разнополярных заряда, силою темпераментов в тысячу ватт.

– На Западе это называют «квики». То есть очень быстрый, жаркий, страстный секс, допинг для обоих партнеров. Особенно для меня. У нас с мужем это в принципе невозможно. Родители его воспитывали в духе подчинения рациональности, здравому смыслу, строгой последовательности. Эмоциональность у них в семье не считалась большим достоинством. Напротив, спонтанное проявление чувств, даже сейчас, после пяти лет супружеской жизни, моей «половинкой» воспринимается как беспорядок и потеря контроля. Но это отдельная история... Если бы ты знал, как мне хочется остаться, а не возвращаться туда, где есть все, но нет страсти, хотя бы мимолетной. Я тебе все говорю искренне, от души, чтобы ты меня понимал. Не думай, что захмелевшая дамочка решила тебе вдруг исповедаться. Просто как-то сразу все это нахлынуло огромной волной. И я с нею не справилась, ты меня увлек за собой.

– Мы просто не смогли устоять перед цунами молодости. По крайней мере, у меня точно кровь в венах взбунтовалась.

– Если честно, то обычно все женщины в таких случаях бояться «залететь». А я как раз этого хочу. И мне кажется, что это случилось.

– Ты шутишь, Инесса? Я, выходит, участник планового эксперимента? – опешил он. Как-то все чересчур прозаично, слишком по-деловому. У тебя был четкий план?

– Да какой там план! В первые годы, которые мы с мужем прожили вместе, у нас всё было отлично. А в последнее время – он не понимает меня, я не могу понять его, начались ссоры на пустом месте. В чем тут причина? Может быть, все это происходит из-за того, что у нас до сих пор нет детей? С точки зрения медицины у нас всё в порядке, причины могут быть только психологического плана – что-то в моем подсознании не дает этому случиться... Природа чувств очень сложна.

– Вся проблема в том, что ты здесь одна? Будь у тебя ребенок, жизнь пошла бы по-другому?

– Он вот-вот вернется из командировки. Так что по срокам может все совпасть, не будет поводов для подозрений. Ты должен понять, Георгий, это обычная практика. Кто-то предпочитает искусственное оплодотворение, кто-то – натуральное соитие... Я – сторонница природного начала... Но, поверь, никакого расчета не было, когда я пришла сюда. Мы оба не совладали с чувствами. Так бывает.

– Да, сон, как говорится, в руку. Представляешь, именно этой ночью мне приснилась пара лебедей, которые занимались любовью. Сначала у них все было красиво и романтично. А завершилось простым сексом, если можно так сказать об этих прекрасных птицах.

– Если у меня родится девочка, я назову ее Виталией... Витой, – не слушая его, говорила Инесса. – Я давно об этом думаю и мечтаю. В переводе с латыни это имя означает «жизненная». Вита – это жизнь! Моя жизнь – и прошлая, и будущая... И твоя, кстати, тоже, если все произойдет.

– Прекрасное имя.

– Ну, вот видишь, о главном мы договорились.

– Инесса, увы, но мы вернулись с небес на землю. Тебе, наверное, пора домой. А у меня, сама понимаешь, служба. Я хочу тебе сделать подарок. Вот видишь – кусок янтаря с маленькой стрекозой. Она летала в лесу миллионы лет назад, порхала, пикировала к ярким цветам, радовалась жизни, пока не присела на сосновую кору под струйку древесного сока.

– Ты хочешь сказать, что я, как эта стрекоза, попала в плен чужеродной смолы. Может быть, оно так и есть.

– Инесса, возможно, я покажусь тебе высокопарным, но отныне и ты в моих мыслях навсегда застыла прекрасным мгновением. Я всегда буду помнить тебя красивой, свободной и неповторимой пришельцей...

Вдруг за дверью раздался непонятный звук, в коридоре явно кто-то был. Набатов подошел к двери, осторожно повернул ключ и открыл каюту. На пороге радостно помахивал хвостом судовой пес Дик. Он сразу стал крутиться вокруг ног Инессы, принюхиваясь к незнакомым запахам. Духи «Шанель № 5», видимо, не очень-то пришлись ему по вкусу. Его больше притягивал запах сервелата на столе.

– Дик, на место! – прикрикнул Набатов. – На, получи свою колбасную долю и сматывайся отсюда.

Пес с куском деликатеса мгновенно исчез из каюты.

– Какой он милый. Весь мир мне сейчас кажется прекрасным. Но ты прав, пора возвращаться на берег.

– Инесса, извини, но хочу спросить: ты часто ходишь по советским судам?

– Ты хочешь, чтобы я дала тебе пощечину? Нет, это мой первый визит. И все, что здесь случилось, я и сама не могу себе объяснить.

– Прости... И еще один вопрос. Что означает слово «Итенька»? Ты его неожиданно произнесла недавно с большим чувством.

Туманный взгляд синих глаз на мгновение полыхнул огнем и погас. Она медленно пожала плечами.

– Все просто. Это мой парень, первая любовь. Да сейчас об этом и говорить бессмысленно. Прошло столько времени, не хочется ворошить старое. Он остался в той, прошлой жизни. Нет его! А на причале, когда я стояла у трапа и впервые издалека увидела тебя, поразила твоему сходству. Я была почти уверена, что это он, неведомо какими судьбами, оказался в наших краях. Понимаешь, что я пережила за эти несколько минут?

– Я начинаю ощущать себя священником на исповеди.

– И все-таки, Георгий, что ты думаешь о нас, если откровенно? Кстати, ты женат?

– Если прикинуться дипломатом, то я мог бы ответить – по comments. Но, я думаю, ты и сама понимаешь, что у нас не принято ходить в холостяках до тридцати лет.

– Ты опять влез в служебный мундир замполита, как улитка в свою скорлупу. Будь уверен, настанет срок, и я сообщу в ваш партком всю правду о нас... Шучу, конечно.

– Да, в такую историю я еще не попадал. И все не так просто, по крайней мере для меня.

– Георгий, я тебя никогда не забуду и надеюсь, что Бог снова сведет нас когда-нибудь...

Набатов проводил Инессу по трапу на берег, довел до автомобиля, крепко пожал ей руку на прощание. Матрос Ястребов сопровождал шведку восторженным взглядом. В душе он, наверное, потешался над замполитом: мол, к нам бы в матросскую каюту такую даму, мы бы сообразили, как с ней обойтись. А у помпы одно на уме: решения партии – в жизнь.

Серебристый «мерседес» с Инессой резко рванул с места и умчался в сторону города. Единственное, что успел заметить Набатов, ее изменившиеся глаза. Это были васильковые глаза, наполненные светом весны, совсем не такие, с какими она пришла на пароход.

Поздно вечером Георгий сел за написание отчета о рейсе. Недопустимы, наставлял автор образца сего документа, неискренность, замазывание недостатков при подготовке отчета. Только ведь, если все написать, как было в этом рейсе, кто же простит молодому замполиту, члену парткома и профкома – надежде идеологических кадров. Так ведь могут и диагноз соответствующий быстренько поставить. Типа не выдержала неокрепшая душа первых впечатлений о загранице. Не по Сеньке флотская комиссарская фуражка оказалась.

Раз за разом Георгий Набатов прокручивал в воспоминаниях время, проведенное с Инессой. «Елки-палки, а ведь меня элементарно использовали! Надо же, меня – Жору Набатова, рубаху-парня, мачо – и сделали четвертым углом в шведском любовном треугольнике!..»

Точку в своем отчете об очередном рейсе первый помощник капитана поставил только под утро. Оно оказалось холодным и противным из-за обычного в это время тумана. Набатов лег на койку и вдруг вновь почувствовал Инессу. Аромат ее духов еще витал в глубине каюты. Скоро он исчезнет, как ушла навсегда в свое шведское бытие русская Инесса. А ему останется лишь корабельная рутина, застой в жизни и цветные воспоминания об этом порте захода с непонятным названием Мальмё.